

КВЕНЫ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Квены — жители Северной Норвегии финского происхождения — являются признанным норвежскими законами национальным меньшинством. Наряду с цыганами, евреями, лесными финнами (*skogfinner*), квены в Норвегии получили этот статус в 1998 г. в соответствии с Рамочной конвенцией Совета Европы. Квены, как и другие вышеупомянутые национальные группы, являются представителями «старых» национальных меньшинств Норвегии.

Впервые квены были упомянуты в английском переводе «Истории против язычников» (V в. н.э.) испанского монаха Павла Орозия (*Orosius*), сделанном королем Англии Альфредом Великим в 890-х гг. При переводе сочинения Орозия с латинского на староанглийский язык Альфред Великий сделал вставку — рассказ о путешествии своего вассала-союзника, норвежского конунга Оттара (*Otter*) из области Холуголанд (ныне — область в районе города Тромсё в Северной Норвегии) в Бьярмаланд (Белое море). Рассказ Оттара датирован началом 890-х гг. В своем рассказе о путешествии в Белое море и встрече с бьярмирами (*beormas*) Оттар также упоминает и о соседнем с норвежцами народе — квенах (*swaen*), живущем на востоке от норвежцев за горами и иногда нападающем из за гор, перетаскивающим по рекам и озерам свои маленькие и легкие лодки.

В исландских королевских сагах также упоминаются квены, в основном их противостояние с карелами, союзниками Новгородской феодальной республики. В частности, в саге об Эгиле Скалларгримссоне, автором которой предположительно является Снорри Стурлассон (около 1200 г.), есть рассказ о Торольве, военачальнике на службе у норвежского короля Харальда Прекрасноволосого (*Harald Hårfagre*, 858–928 гг.). В этом рассказе описываются военные походы норвежцев на севере в поддержку союзников-квенов против экспансии карел.

В ранее упомянутой саге об Эгиле Скалларгримссоне (1200) подробно описывается местонахождение Квенланда, земли квенов: «К востоку от Намсоса (Северный Трэннеллаг в Норвегии) лежит Емтланд (*Jamtland*, Западная Швеция), за ней — Хельсингеланд (район Умео-Шеллефтео в Северной Швеции), за ней — Квенланд (северное побережье Ботнического залива по обе стороны и до г. Каяни в современной Финляндии), за ней — Финланд

(Саволак в Юго-Восточной Финляндии), за ней — Кирьялаланд (Карелия в районе Ладожского озера)».

Шведский епископ Олаус Магнус посетил долину реки Торнио в 1535 г. и издал «Carta Marina» в 1539 г. При посещении поселений и торговых мест в долине реки Торнио он обратил внимание, что местное население делится на две группы финноговорящих жителей. Одна группа финнов состояла из сборщиков податей, представителей шведской короны. Олаус Магнус называл их биркарлийцами (birkarlar, pirkkalaiset). Они явно были людьми пришлыми. Другая же группа финнов представляла собой местных жителей, которые платили наряду с саамами подати шведскому королю. Именно этих «местных» финнов Олаус Магнус называл квенами (swaenar). Примечательно, что обе финноговорящие группы — и биркарлийцев, и квенов — он назвал общим именем «кайнулайсет» (kainulaiset).

В русском произношении слово «квен» изменилось в «каян, каянец» или «каянский немец». А в тексте Ореховецкого мирного договора 1323 г. упоминается о границе между владениями Швеции и Новгорода оканчивающейся у Каяна моря, т.е. у северной части Ботнического залива. Еще одним указанием на место проживания квенов могут послужить результаты археологических раскопок в Новгороде Великом

Новгородская берестяная грамота № 286, датируемая первой половиной XIV в., говорит о связях Новгорода с Ботническим заливом. «А ты ходи не бойся, мир взяли на старой меже Юрия князя (Юрий Данилович, внук Александра Невского, погиб в Орде в 1325–1326 гг.)... я послале кареле на Каяно море...» «Старая межа» в тексте берестяной грамоты, вероятно, указывает на заключенный в 1323 г. Ореховецкий мирный договор между Новгородом и Швецией.

Вологодско-Пермская летопись за 1496 г. гласит: «Послал великий князь Иван Васильевич (Иван III) князей Ушатых: Ивана Бородатого да Петра за море Немец воевати Каян». Они пошли туда с ратью в составе «с онежане, двиняне и важене» и «воевали местности у рек... Кемь (Кемийоки), Торма (Торнийоки), Овлуй (Оулуйоки), Сиговая (Сиикайоки). Рать князей И.Ф. и П.Ф. Ушатых отправилась морем из устья Северной Двины. Обогнув Мурманский Нос (Нордкап), она вступила в Лапландию и двинулась в глубь Северной и Центральной Финляндии. Опустошающие военные действия происходили в районе “деяти рек”. Местное финское население, жившее по берегам реки Лиминги, било челом “за великого князя”. В октябре воеводы вернулись в пределы Русского государства». Описание похода князей Ушатых говорит о том, что они прошли морем Нордкап и... попали в долину

реки Торнио, которая впадает в Ботнический залив с севера. Они, видимо, пришли на судах в устье реки Шиботн (Skibotn) в Линген фьорде в области Финнмаркен в Норвегии, уже известной русским по договору 1326 г., затем поднялись вверх по реке до озера Килписъярви и, затем вышли к истокам реки Муонио, которая, в свою очередь, впадает в Торнио. Не исключено, что обратно они могли уйти другой дорогой, а именно издавна известной карелам и русским дорогой из Оулу в Ладожское озеро. Или через озеро Китка — река Оуланка — река Оланга — озеро Панаярви — озеро Ковдоозеро — деревня Ковда — Белое море.

Другим путем в долину реки Торнио русские могли попасть через Уфутенфьорд (Ofotenfjord) и Румбаксботн (Rombaksbotn) в районе современного города Нарвик в Северной Норвегии. По системе волоков из Уфутенфьорда можно попасть на лодках в озеро Торнео (Torneträsk) и спуститься вниз по реке Торнио в Ботнический залив.

Таким образом, место расселения квенов как отдельного народа сосредотачивается в районе Ботнического залива, точнее, в его северной части, известной под названием Каянское море (в русских летописях), *Botniska vikén* или *Perämeri*.

Происхождение слова «квен» до сих пор является предметом дискуссий. По версии финского историка Йоуко Вахтолы (Jouko Vahtola), слово «квен» происходит от древнегерманского слова «*hweine*» — плодородная низина. Затем это слово трансформировалось в скандинавское (OldNorse) «*swaine*», а затем в слово *swen* — *kven*. Слово же Кайнуу (*Kainuu-kainulaiset*) происходит от финского «низина». Отсюда русские заимствовали это слово в виде «каяне, каянцы, немцы каянские». Действительно, если посмотреть с Финнмаркенского плоскогорья или со стороны Скандинавских гор в районе Кебнекайсе (самая высокая гора в шведском Норботтене на границе трёх стран), то находящаяся на юге территория действительно смотрится как низина, низкая плодородная долина многих рек (Муонио-Торнио, Каликс, Лулеельвен, Питеельвен). И в настоящее время в Норботтене, в междуречье рек Торнио и Каликс существует деревня под названием Кайнуункуля, где куля означает по-фински деревня. То есть для финнов долина реки Торнио — это низина (кайнуу, Кайнуунмаа). И для норвежцев долина реки Торнио тоже низина, но уже звучит как квен, Квенланд. Таким образом, северное побережье Ботнического залива с впадающими в него реками и называются по-фински Кайну, а по-норвежски — Квенланд.

Существует еще одна теория происхождения слова «квен». Финский лингвист Йорма Койвулеhto (Jorma Koivulehto) считает, что происхождение

этого слова берет начало от скандинавского (OldNorse) слова «gain» («широкое устье реки»), которое затем трансформировалось в «kainu» и «Kainuupntaa» («земля каянов»). Действительно, если подходить в устье реки Торнео с юга, то, начиная с пролива Кваркен, воды, лежащие к северу от Кваркена, кажутся устьем очень большой реки.

Таким образом, выходит, что финны из долины реки Торнио на нынешней финско-шведской границе имели широкие контакты с норвежцами Северной Норвегии и давно были известны норвежцам под именем квенов.

Движение к морю из глубин Приботнии происходило постоянно в течение многих веков. И до начала XIX в. финны из долины реки Торнио переселялись в Северную Норвегию, но наиболее массовым это переселение приходилось на период после русско-шведских войн 1700, 1740, 1808–1809 гг. Военные действия последней Русско-шведской войны проходили на территории северной части Ботнического залива, и местные жители принимали в войне активное участие. После перехода Финляндии в состав Российской империи в 1809 г. многие финны из долины реки Торнио, опасаясь репрессий со стороны российских властей, покинули Финляндию и переселились в Северную Норвегию.

Среди других причин переселения финнов в Норвегию был голод, например голод 1866–1868 гг. Земля могла не родить, но рыба в море не переносилась никогда, поэтому и переселялись финны из долины Торнио ближе к морю, богатою рыбой, т.е. в Финмаркен и Тромс в Норвегии.

Некоторые финны, преступившие закон, спасаясь от уголовного наказания в Финляндии и Швеции, искали себе убежища опять же в глубине норвежских фьордов.

Аграрное перенаселение не только в долине реки Торнио, но и в других районах Финляндии заставляло переселяться в Норвегию.

Большой наплыв переселенцев в Норвегию произошел также из за того, что начиная с 60-х гг. XIX в. финны, искавшие счастья и новой жизни в Северной Америке, перебирались за океан через норвежские порты, в частности через Тромсё. Часть переселенцев не решалась уехать в Америку и оставалась в Норвегии.

Вообще, среди финнов бытовало такое мнение, что если совсем все в жизни плохо, то на крайний случай есть еще Руйя (финское название норвежского Финмаркена).

Надо сказать, что норвежские власти до середины XIX в. охотно принимали переселенцев-финнов, автоматически становящихся на норвежской территории квенами. Для малонаселенной Северной Норвегии хозяйствен-

ные и привязанные к земле квены были хорошим подспорьем для собирания налогов. К тому же квены обеспечивали окружающее население (норвежцев и саами) продуктами животноводства.

Первоначально квены селились в глубине фьордов и долинах рек для развития молочного животноводства, а затем — на рудники и для рыбацкого промысла: Шиботн, Альта, Квенанген, Сёр-Варангер, долина рек Тана, Нявдема и Пазреки. Дело в том, что пришедшие в Финнмаркен и Тромс финны обнаружили земли, не занятые ни норвежцами ни, саамами и пригодные для молочно-товарного животноводства. Норвежцы, по крайней мере на севере Норвегии, не занимались сельским хозяйством. Норвежские поселения — это рыбацкие поселки. И находились они на выходе из фьордов. Для таких поселений была важна доступность рыболовных мест на банках — отмелях, где скапливалась рыба. Саамы, кроме занятий оленеводством на плоскогорьях (fjell samer или фильманы в русских источниках), также вели рыболовный промысел, кочуя с оленьими стадами от тундры к морю и обратно (sjøsamer — морские саамы). Главный рыболовный промысел саамов — семга. Таким образом, долины рек и удаленные от моря в глубине длинных фьордов низины (flatta) оказались не занятыми и пригодными для молочного животноводства. Именно этим стали заниматься в Норвегии финны — лучшие молочники Севера. Финское молоко было известно как в Петербурге (знаменитые чухонки-молочницы), так и на полуострове Рыбачий на Мурмане.

К 60-м гг. XIX в. отношение правительства Норвегии к квенам изменилось. Квены не подвергались быстрой ассимиляции и не входили равноправными членами в норвежское общество. Этому было несколько причин.

Во-первых, квены были выходцами из Финляндии, входившей в состав Российской империи. Норвежское правительство всерьез принимало во внимание «русскую угрозу» с намерением «русского медведя» отобрать у Норвегии незамерзающие порты на Севере после поражения в Крымской войне и потери портов на Балтике и в Черном море.

Во-вторых, квены активно скупали немногочисленные сельскохозяйственные земли на севере Норвегии для расширения товарно-молочного хозяйства. Ни рыбакам-норвежцам, ни оленеводам и рыбакам саамам сельскохозяйственные земли не были нужны.

В-третьих, финский язык стал своеобразным лингва франка, общим языком скандинавского Севера. Финским языком как родным пользовались квены в Норвегии, торнедаленцы в Швеции, финны других областей Финляндии. Финский язык близок карельскому языку, и торговцы-карелы свободно

понимали язык финнов. Торговцы и проповедники квены проникали далеко в тундру для проповеди и торговли с саамами, и саамы изучали финский язык. Часто в Норвегии возникала такая ситуация, что для ведения бизнеса норвежцы переходили на финский язык. Таким образом, правительство Норвегии опасалось усиления иноязычного и инокультурного влияния.

В-четвертых, большинство квенов — выходцы из долины реки Торнио, где в конце XIX в. широко развилось лестадианство — возрожденческое течение в среде протестантизма. Лестадианские проповедники жестко критиковали государственную протестантскую церковь за отход от принципов Христа и Лютера.

В-пятых, квены жили довольно обособленно и не стремились вступать в контакты с местным населением.

Таким образом, увеличение квенского населения и влияния подрывало, по мнению правительства Норвегии, устойчивость государственной власти на Севере.

С 1860-х гг. началась политика «норвегизации» (fornorskning politikk) квенов и саами. Королевскими указами было запрещено покупать и сдавать землю в аренду людям, не владеющим норвежским языком. Всячески препятствовали обучению квенских детей родному языку и культуре.

Напряженность в отношениях с квенами усилилась после получения Финляндией независимости. Во время Гражданской войны в Финляндии норвежцы опасались «красной угрозы», т.е. пропагандирования на вооруженные выступления рабочего класса Норвегии. После поражения «красных» перед норвежским правительством замаячила «финская угроза» — требования романтиков-националистов о «воссоединении всего финского племени от Атлантики до Урала». В планы финских националистов входило присоединение к Финляндии населенных квенами Финнмаркена и Тромса в Норвегии, Норботтена в Швеции и населенной этнически близкими карелами Беломорской Карелии.

Ситуация с квенами в Норвегии еще более осложнилась, когда стало ясно, что в 30-х гг. Финляндия стала все больше сближаться с агрессивной фашистской Германией. Финским проповедникам-лестадианцам запретили въезжать в Норвегию, было запрещено распространение лестадианской литературы и Библии на финском языке. В квенских деревнях закрывали финноязычные школы и передавали детей в интернаты, где дети воспитывались под присмотром норвежскоязычных воспитателей.

Для противодействия «финской угрозе» норвежские крестьяне из Юго-Восточной Норвегии переселялись в долину реки Пасвик, где преобладало

финноговорящее квенское население. Так, в 1934 г. в местечке Сванвик на западном берегу реки Пасвик была построена церковь в честь Олафа Святого, и несколько норвежских семейств приехали сюда с юга Норвегии.

Таким образом, постепенно вырабатывалось негативное отношение к квенам и у простого норвежского населения. Квены благодаря усилиям правительства стали восприниматься как люди второго сорта, говорить по-фински было непрестижно. Родители старались переучивать детей на норвежский язык. Фамилии с финских переименовывали на норвежские. Таким образом, уже перед Второй мировой войной квенское население стало стремительно терять свою идентичность.

Межправительственные отношения Норвегии и Финляндии улучшились, когда началась «Зимняя война» и Норвегия выступила на стороне Финляндии. Войска Норвегии в военных действиях не принимали участия, но добровольцы воевали на стороне Финляндии во время боев в 1939–1940 гг.

Только после 1945 г. началось постепенное ослабевание проведения политики «норвегизации». До 1970 г. «квенскую проблему» старались не поднимать и не обсуждать в прессе. Только с середины 70-х гг. началось признание норвежским правительством квенского меньшинства. В 1977 г. король Норвегии Олаф V (в присутствии Президента Финляндии Урхо Калева Кекконена и короля Швеции Карла XVI Густава) открыл в Вадсё памятник квенам в знак признания квенов в Норвегии и извинения за гонения на них.

В 1987 г. в северных провинциях Норвегии — Финнмаркене и Тромсе — было открыто 10 отделений Союза квенов Норвегии (Norsk Kvener Forbund / Rujan Kveenienliitto). Сейчас Союз насчитывает более 1000 членов. В нескольких городах и поселках Финнмаркена открыты школы с преподаванием финского языка. В 2005 г. в поселке Børselv/Pyöreja был открыт Институт квенов / Kainuun Instituutti, где студенты виртуально изучают вопросы, связанные с историей и культурой квенов в Норвегии. В Университете Тромсё есть факультет, на котором изучается история и язык квенов. В Вадсё выходит еженедельная газета «Kainuun Kaikki».

В настоящее время в Руйя (Финнмаркен и Тромс) говорят по-фински 10 тыс. человек (из 150 тыс. населения, по данным NKFRK (Norsk Kvensk Forbund\ Rujan Kveenienliitto)). Надо отметить, что среди них не все являются квенами. Большая часть финноговорящих норвежцев — это выходцы из различных областей Финляндии, приехавшие жить в Норвегию в послевоенное время. Они не считаются и сами себя не считают квенами.

Согласно Рамочной конвенции Совета Европы и законам Норвегии, язык квенов официально признан языком квенского национального меньшинства.

Язык квенов наиболее близок языку «мейян киели». Этим языком пользуются финноговорящие жители северной шведской провинции Норботтен, т.н. «торнедаленцы».

История квенов — это яркий пример развития национального меньшинства в среде инокультурного и иноязычного большинства, где решающую роль играет политика государственных органов. Несмотря на большие потери в деле самоидентификации квенов, можно надеяться, что при проведении современной политики норвежских властей возрождение культуры квенов и их стремление к совместному проживанию рядом с норвежским большинством будет возрастать.

Vilkuna Kustaa. Kainuu-Kvänland: ett finsk-norsk-svenskt problem. Uppsala, 1969.

Eriksen Hans Kr. Finnenes invandring til Finnmark // Tre stammers møte i Finnmark. Otta. 1968. № 58 (4).

Lassi Saresalo. Keitä ovat kveenit // Ulkосуomalaisia. Hki, 1982.

Tuander K. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

Arvid Moberg. Litet om handel och gränstrafik i gammal tid inom Nord kalotten // Otta. Tromsø, 1955. № 2.

Березников В.А. Поездка по норвежской Лапландии в 1894 г. СПб., 1897.

Сухарев М.И. Россия и Норвегия: история добрососедства. Мурманск, 2003.

Marjut Aikio. Kveeneistä ja kveenin kielestä // Ulkосуomalaisia. Hki., 1982.

Torniolaakson historia I / ред. Olof Hederyd, Yrjö Alamäki, Matti Kenttä. Torniolaakson kuntien historiikirjatoimikunta, 1991

Кристоман Б.Б. Территориальные споры на сев-западной границе Российской империи в период XIX — начала XX в.: исторический опыт решения. Архангельск, 2003.

Leena Kaukiainen. «Avoim ja suljettu raja» Suomen ja Norjan suhteet 1918–1940. SHS, Hki, 1997.